Горловский Медиа Портал
02.11.12 15:21

Все созданное человеком искусства является отражением окружающей действительности в его искривленном душевном зеркале. Поиском себя в обезличенном мире социальных механизмов и попыткой деформации общественной мифологии. Порой это звучит как сдавленный крик сквозь зажавшую рот ладонь, иногда – как глас вопиющего перед выключенной телекамерой, еще реже – предсмертным хрипом спившегося смотрителя зоопарка. Искусство – это борьба человека с комфортом за счастье. Духовный гироскоп самопознания, указующий путь к преодолению личной несвободы и бытового однообразия. Путь, имеющий две конечные станции – Любовь и Смерть.

Для меня современная поэзия – это комната смеха, где в очередном приступе социофобии рыдает окровавленный Робинзон Крузо. Это сугубо интимный вид искусства, которому не место на заплеванных рекламных площадях и в душных панцирях ночных клубов. По мнению французского философа-постструктуралиста Ролана Барта, поэтическое воображение по сути своей не формирует, а деформирует образы. Это не означает, что оно превращается в выдающую нам масс-медийные пироги мясорубку миссис Ловетт. Ведь это не деформирование, а скорее уже уничтожение образов, путем упрощения и вульгаризации духовных ценностей. Именно то, что происходит сегодня в массовой культуре, когда ради двух комиксов в суперобложке и рекламного плаката со старых полотен литературы соскабливают краску и разводят ее синтетической копипастой «собственных точек зрения».

Для увеличения нажмите на изображение

Деформирование (или как уже принято говорить «деконструкция») в искусстве – это уничтожение стереотипной оболочки образов, ради сокрытого под ней смысла. «Без

катастрофы нет стиха, не бывает стиха, который бы не открывался, как рана, и который бы не ранил», – так писал еще один французский философ Жак Деррида. В одном из своих эссе он указывал, что, во-первых, «стих должен быть кратким, эллиптическим по призванию» и, во-вторых, иметь «сердце» – один маршрут из многих путей: «Дар стиха не цитирует и не вызывает к ответу, у него нет титула, он больше не лицедействует, он случается, нежданный тобой, и обрывает дыхание, порывает с рассуждающей и особенно с литературной поэзией». Подобным даром стиха в современной поэтической традиции обладает верлибр. Поэзия, лишенная вериг рифмы, строфики, изотоники, слогового метра и т.д. И если настоящая свобода начинается по ту сторону отчаяния, то пространство верлибра берет свое начало за его гранью.

Антон Куликов – яркий и талантливый горловский представитель верлибристической поэтической школы. Более десяти лет его произведения оставались неопубликованными и были известны лишь узкому кругу провиденциальных читателей. И вот, только в начале октября этого года, свет увидела его небольшая книга карманного формата – «Наедине с тенью». Каждый верлибр в ней – это изящный шрам на девичьей спине, оставшийся как напоминание о встрече с инквизиторами. Порой верлибры Антона Куликова мне кажутся оптическим обманом, хотя на самом деле это сломанные дорожные указатели. Чем больше пытаешься их растолковать, тем лучше понимаешь, что

И самых небесных птиц проглатывает подземная клетка

Поэзия – это не случайные всплески вдохновения, облаченные в сарафаны хореев и камзолы анапестов. Это результат напряженной духовно-интеллектуальной работы, доведенный до крайней черты жизни. «Возвышенность духа писателя помещается у него в затылке. Сам он видеть ее не может. Если же попытается увидеть во что бы то ни стало, то лишь сломает шею», – писал классик новой японской литературы Рюноскэ Акутагава. Поэзия не имеет географических границ, ее пространство – человеческие души.

Когда умирает река Она впадает в воду Когда умирает человек Он впадает в землю Когда умирает Земля

Она впадает в детство

Верлибры Антона Куликова – это постоянная метаморфоза формы, смысла и духа. Каждая страница – кокон, внутри которого читатель может найти не только бабочку, но и мумифицированный обед паука. Деконструкция образов в его верлибрах достигла своей высшей точки, лежащей на демаркационной линии между чувственностью и рассудком. Отсюда и лаконичность самих произведений, где каждое слово ценится автором дороже собственной жизни. В верлибре нет ничего лишнего: союзов, предлогов, вводных слов и даже запятых. Каждое буквосочетание и их порядок расположения имеет свое скрытое значение, заложенное творцом «наличное бытие» слова.

Зачем заниматься переводом трактатов теракта на язык Вавилона если можно просто открыть осень

и

между птиц прочитать сумерки

Для увеличения нажмите на изображение

Большинство верлибров Антона Куликова пронизаны пугающим отторжением окружающей действительности – жаждой беспамятства, стремлением к безмолвию и переживанием пограничных состояний рассудка. Но, несмотря на все это, автор стремится переродить слово, которое бы стало высшим достижением Тишины. И через это перерождение видно стремление самого автора на обретение себя нового. Нечто подобное можно встретить у Франца Кафки: «Первый признак начала познания – желание умереть. Эта жизнь кажется невыносимой, другая – недостижимой. Уже не стыдишься, что хочешь умереть; просишь, чтобы тебя перевели из старой камеры, которую ты ненавидишь, в новую, которую ты только еще начнешь ненавидеть. Сказывается тут и остаток веры, что во время пути случайно пройдет по коридору главный, посмотрит на узника и скажет: «Этого не запирайте больше. Я беру его к себе».

Поэзия – один из способов подражания тишине.

Один из главных лейтмотивов книги Антона Куликова «Наедине с тенью» – возвращение к прошлому. Не тоска по утраченному, а скорее сожаление о неисполнившемся: «Если ожидание смерти хуже самой смерти, то воспоминание о жизни лучше самой жизни». Каждый верлибр этой книги пронизан подобным сожалением и вечными воспоминаниями о жизни. Через все это можно увидеть рефлексивный поиск автором прошлого в будущем:

Я ухожу в себя чтобы встретиться с тобой

Более точно об этом в своей книге сказал Ричард Бротиган: «Наверное, это была бы смешная история, если б не тот факт, что людям требуется чуточку любви, и Господи, как же грустно от того, через сколько г..на приходится пройти, чтобы найти ее хоть немного». Для меня «Наедине с тенью» стало, пожалуй, главным литературным событием Донбасса за последние несколько лет. Талантливая, граничащая с еретическим гнозисом, книга описывает новые алгоритмы поиска человеком в себе высших способностей духа. Какие ощущения она оставляет после себя? Веры в Прогноз погоды:

Завтра на всей территории любви

ожидается сильная облачность
Ночью выпадет хлеб

Егор Воронов, специально для "Горловского Медиа Портала"